

Владимир Дидковский

без любви
без тоски и печали

БЕЗ любви,
тоски и **печали...**

*Без любви,
без тоски и печали...*

Сборник стихов

**Владимира Леонидовича
ДИДКОВСКОГО
(1936-2012)**

Новоград-Волынский
2014

Общеобразовательная школа I-III ступени № 7
г. Новограда-Волинского

Издано по инициативе
коллектива школы в 2014 году

Составитель – **Елена Ивановна Сухова**

Электронная версия на сайте школы:
sevenschool.org/vld.poems/

*Школа выражает благодарность
ученикам и выпускникам школы,
при моральном и материальном участии которых
издана эта книга*

Віддруковано видавництвом «НОВОГрад»
вул. Шевченка, 7, м. Новоград-Волинський,
Тел. моб. 067-599-15-46, 093-682-62-52.
Формат 60x84/16. Папір офсетний.
Друк офсетний. Наклад 500 прим.

З найкращими побажаннями
видавництво “НОВОГрад”
вул. Чехова, 5,
м. Новоград-Волинський
Житомирськ. обл. 11701

067-599-15-46, 093-682-62-52, 050-951-93-15
Олександр Гембарський

О жизни. О себе

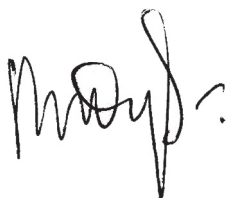
Юрию, другу

Душа поет

Басни

Посвящения

Поэма

A handwritten signature in black ink, appearing to be the name 'Мяуф.' with a stylized flourish at the end.

Талантливый человек талантлив во всем

В. Л. Дидковского знаю давно. Нас связывают 25 лет совместной работы в стенах общеобразовательной школы № 7. Всегда восхищалась его природными талантами: высоким поэтическим даром, идеальным слухом, способностями к живописи, составлению сценариев, написанию оркестровок, недюжинными организаторскими задатками и нечеловеческой трудоспособностью. Вот уж воистину: «Талантливый человек талантлив во всем».

За его плечами – трудное детство, опаленное войной, учеба, тяжелая болезнь матери и её смерть, неустроенный холостяцкий быт и работа, работа, работа...

Но за суровыми трудовыми буднями он находил время для самого сокровенного – своих стихов, которые шли где-то из глубин его страдающей и тоскующей души.

Когда после смерти Владимира Леонидовича, мне, учителю русской словесности, передали старенькую зелёную папку с пожелтевшими от времени листами, я, окунувшись в мир его поэзии, открыла для себя совсем другого Дидковского: умеющего любить и быть предельно искренним в изъятии своих чувств, романтика и мечтателя «с напёрстком странным на руке», мужчину, страдающего и страстно желающего стать отцом, утончённого лирика, который «не был равнодушным ни к доброте, ни к радостям, ни к злу...»

Читая стихи В. Л. Дидковского, понимаешь, как сложна и многогранна человеческая жизнь, и как важно в ней сыграть свою, только тебе судьбой предназначенную роль – роль Человека. Он сам мятущейся душой сомневался, искал и мучился.

*Может, просто, привыкший у рамы стоять
Перед строем взволнованных кресел,
Продолжаю и ныне, не жить, а играть
В этой длинной бессмысленной пьесе?*

Мы все помним Владимира Леонидовича энергичным, жизнерадостным человеком, а в поэтических строках – тоска и боль:

*Так когда это стало, в какие года?
Или, может, тоска и печали
Обходили меня стороною всегда.
И, не ранив, к другим уплывали?
Почему же тогда на висках седина? –
Разве только лишь в возрасте дело?
Почему не хлопчет на кухне жена? –
Оттого ль, что родился несмелым?*

Он без сожаления говорит о том, что не сумел «жизнь прожить на уровне стандартов».

*Зато я пожил в гуще человеческой...
Но, презирая сытость и покой,
Я не был – ни послушною овечкой,
Ни волком, что скулит перед бедой.
...И если отступал чуть-чуть от правил,
То рад тому, что в главном был я строг...
И чьи-то жизни, может быть, подправил,
Кого-то от ошибок уберег.*

А как он умел дружить! С Юрием Курбатовым его связывали десятилетия настоящей мужской дружбы, и поэтому целый раздел книги назван «Юрию, другу».

*Срывая лист календаря,
Припомнил памятную дату,
Как в день далёкий ноября
Я повстречал тебя когда-то.*

Владимир Леонидович – ещё и поэт-песенник. Его песни волнуют, уносят в прошлое («Бал 41-го года», «Расставание со школой»), преисполнены любовью к малой родине – родному Новограду-Волынскому («Рідне місто», «Джерело»).

Каждый человек, живущий на этой земле, мечтает быть счастливым. Он, сын советской эпохи, по-своему видел и воспринимал философскую категорию счастья:

Счастье мне нужно!..

Счастье...

Чтоб сразу одно –

Без крошек...

Счастье, а не

Разноцветных брошек!

У меня отсутствуют мелкособственнические страсти, –

Счастья хочу, понимаете?..

Что же вы мне предлагаете?

Память человеческая нетленна, и, конечно, он не мог забыть тех, кто воевал на фронтах Великой Отечественной войны, тех, кто не вернулся. Сержант Алексей Соколов стал для него и для нас, читателей, воплощением мужества и героизма советского воина, подарившего нам самое дорогое – жизнь.

Нет, доброе имя его не померкнет,

Немалый прошел уже срок,

Но строй на вечерней поверке

Всё так же подтянут и строг.

Но сердце трепещет, не скрою,

И взгляд у солдата суров,

Когда выкликают Героя:

– Сержант Алексей Соколов!

Владимир Леонидович Дидковский... В нашей памяти он навсегда останется строгим наставником и человеком кристальной совести.

Ему, Учителю и Другу, благодарны многие, свидетельством тому мраморный памятник на могиле, поставленный на деньги, собранные бывшими учениками, – и эта небольшая книга, – увидевшая свет, пусть после смерти автора, но разносторонне раскрывающая его яркую, как свет далёкой звезды, жизнь.

Е. И. Сухова,
заместитель директора
по воспитательной работе школы № 7

О жизни. О себе

Моя.

... У меня никогда не бывает тоски.
Никогда не бывает печали.
Я загружен по горло и на пустяки
Разве только есть время ночами.
Но ночами я сплю, иногда вижу сны,
Завернувшись в своём одеяле.
И, – спросите: Вам скажет диван у стены, –
Не терзаюсь в тоске и печали.
Днём спешу, чтоб куда-то ко сроку поспеть,
(И куда-то всегда опоздаю),
Если жду и случится на месте сидеть,
То волнуюсь, что время теряю.
А сейчас вот решил на бумаге пером
Сам себе кое в чём объяснить:
Почему мне сегодня тоска нипочём,
И печаль только может присниться?
Понимаю, что время с ответом не ждёт,
Но задачка досталась, ей-богу,
Посложнее, чем та, где один пароход
Обгоняет в дороге другого.
Он выходит из А, чтоб причалиться в В,
А потом возвратиться обратно,
Ну, а если в дороге замедлится бег,
Он спешит, обгоняя собратьев.
И ему, пароходу, совсем невдомёк,
Кто там – плачет, а кто там – смеётся?
Он спешит, соблюдая положенный срок,
Презирая оттенки эмоций.
И обходится он без унылой тоски,
И живёт без горючей печали,
Чтоб наматывать футы на собственный киль,
Пока клапаны не застучали.
Впрочем, стойте! Задача как будто моя
Не сложнее, чем та, с пароходом,
С той лишь разницей, что пароход – это я,

Ну, а море – минувшие годы.
Я, как он, приучил себя жить по гудку,
Выполнять свои рейсы-заданья,
Отогнав от себя и печаль, и тоску,
Соблюдая всегда расписание.
... Почему не дано пароходу скучать
И печалиться нету причины?
Даже школьник сумеет ответить на «5»:
Пароход – это только машина.
Так неужто и я так же небо копчу
И смеюсь лишь заученным смехом?
И себя от машины лишь тем отличу,
Что иначе зовусь – человеком?
Так неужто и я на эмоции скуп,
Как и следует быть автомату,
Не приемлю печаль, отвергаю тоску,
От аванса живя до зарплаты?
Ну, а как же улыбка? Ведь я же смеюсь?
Мне и радость как будто знакома...
Или, может, восторг или лёгкая грусть
Лишь набор театральных приёмов?
У меня ведь солидный сценический стаж:
От разведчика до генерала.
Не припомнить всего, – в мой актёрский багаж
Много всяких героев попало...
Может, просто, привыкший у рампы стоять
Перед строем взволнованных кресел,
Продолжаю и ныне, не жить, а играть
В этой длинной бессмысленной пьесе?

Так когда это стало, в какие года?
Или, может, тоска и печали
Обходили меня стороною всегда,
И, не ранив, к другим уплывали?
Почему же тогда на висках седина? –

Разве только лишь в возрасте дело?
Почему не хлопочет на кухне жена? –
Оттого ль, что родился несмелым?
Почему новый день так похож на вчера?
Разве дело лишь в скучной работе?
Почему иногда не уснуть до утра?—
Оттого ли что кофе – наркотик?
Отчего же цветастый экранный сюжет
Серым стал для меня и унылым?
Оттого ли, что мне за свои 40 лет
Кроме МХАТА театр опостылел?
Неужели ни разу я не тосковал?
Ну, пускай даже самую малость?
И печали горючей ни разу не знал?..
Нет, по-моему, что-то случилось...
Да, конечно, случилось. Не раз и не два.
Только было давно это очень.
Помню: желтые листья, сухая трава,
Сквер безлюдный и поздняя осень.
Только я и она. И меж нами – беда.
И закат, словно налитый кровью,
И слова: Ты прости. И забудь, Навсегда...
Это было прощанье с любовью...
Я простил. Но не в силах забыть, много лет
Верил в старую добрую сказку.
Думал – это лишь сон, а наступит рассвет –
Буду снова любовью обласкан.
Но рассвет наступал, чередою года
Друг за другом поспешно бежали.
Уходила любовь, уступив навсегда
Свое место тоске и печали.
Мне встречались другие на долгом пути,
А иные в меня и влюблялись.
Я старался их взгляд стороной обойти,
Помнил ту, что единственной звалась.

А потом замечать перестали меня
И по отчеству звать торопились.
А иначе нельзя – на виски седина
Сквозь печаль и тоску просочилась.
И с тех пор я живу без любви много лет
И не мучаюсь думою тайной,
Не надеясь уже на грядущий рассвет,
Обручившись с тоской и печалью.
Я улыбкою лишь закрываюсь подчас
От тоски и горючей печали,
Потому что со мною они каждый час, –
Как пришли, так в душе и остались.
Так живу и черствую, не день и не год,
Обхожусь без тоски и печали,
Превращаясь порой в примитив-пароход
Из задачки, что в детстве решали.
Так курсирую я, – беззаботен и сух,
Словно тот пароход приплываю.
Не грозит мне печаль, так как нету разлук,
И по ком тосковать – я не знаю.
Рассуждает иной – беззаботно живет!
И судьбой не обижен он тоже.
Это верно, что в гости тоска не идет
И печаль меня больше не гложет.

Вьюга стихла совсем... И готов мой ответ...
Слышу – дворник подъезд подметает.
Ночь подходит к концу. Сизый дым сигарет
Паутину под люстрой сплетает.
Вот и утро сквозь штору прокралось, кажись,
И по снегу шаги зашуршали...
Начинается день... Продолжается жизнь...
Без любви. Без тоски и печали.

Я знал, что в жизни эталонов нету
И не старался жить по образцу,
Я ни на что не зарился на свете
И зависть мне, ей-богу, не к лицу.
Я, может быть, замешкался на старте
В круговороте всяких важных дел
И жизнь прожить «на уровне стандартов»
Поэтому, наверно, не сумел.
Хоть я на свете и изрядно пожил,
И есть свидетель скорбный – седина,
Но жизнь моя на чью-то не похожа, –
Она подчас тосклива и скучна.
Зато я пожил в гуще человеческой...
Но, презирая сытость и покой,
Я не был – ни послушною овечкой,
Ни волком, что скулит перед бедой.
Да, где-то рядом строились гиганты,
И где-то трактор целину пахал,
А я в своих задачках и диктантах
Старательно ошибки исправлял.
И если отступал чуть-чуть от правил,
То рад тому, что в главном был я строг...
И чьи-то жизни, может быть, подправил,
Кого-то от ошибок уберег.
Не меланхолик я и не фанатик,
Но кое-кто из тех, кого я знал, –
Какой он, – скажет, – к чёрту математик,
Коль жизни наперёд не рассчитал?
Да, не стремился я за славой зыбкой,
Уюта никогда не признавал,
Я исправлял чужие лишь ошибки,
А собственных подчас не замечал.
Да, я считал: лишь так, а не иначе!
И потому немного странным был:
Кому-то задавал всю жизнь задачи,

А сам своих, по правде, не решил.
Пьянел от счастья в песенном угаре,
Над оркестровкой до утра сидел,
Учил других романсам на гитаре,
А сам романса главного не спел.
И всё же на судьбу я не в обиде –
Хоть на веку своём видал всего, –
Но не за то, что я смотрел, не видя,
И, слушая, не слышал ничего.
Я видел на глазах от счастья слёзы,
Я радость в лицах детских прочитал,
Ночами слышал жалобы берёзы
И журавлей с тоскою провожал.
Рассвет в лесу встречал с зарёю вешней,
Травой бродил росистой босиком,
Дружил с хорошей ласковою песней
И про себя пытался петь баском.
Чего греха таить – не всюду прав был,
Но я скажу сейчас и не совру,
Что сердцем остро чувствуя неправду,
Стремился только к счастью и добру.
И говорю я им сегодня смело:
Пусть смутно ноет сердце по ночам,
Но если то, чем жил, зовётся «мелочь»,
То я согласен жить по мелочам.
Возможно, сделал я добра лишь малость,
И радости принёс лишь на пятак, –
Мне самому ведь иногда казалось,
Что я себя растратил на пустяк.
Я не смеялся смехом беспричинным
И вой злорадный тоже не по мне:
Я радовался стройкам и плотинам,
Я мысленно был там, на целине.
Случалось, – был печальным и суровым,
Когда Вьетнам напалмом запылал.

Я разбивался вместе с Комаровым,
С Патрисом я под пытками стонал.
Я, может, прожил жизнь немного скучно,
И в молодости был немного глуп,
Но никогда я не был равнодушным,
Ни к доброте, ни к радости, ни к злу.
Наверно, растерял друзей хороших,
А, может, потеряли те меня,
И без любви и ласки жизнь я прожил,
Но идеалов всё же не менял.

...Дождливými закатами
Уходит мокрый день...
Я вспомнил, как когда-то мы
Ходили рвать сирень.
Собаки звонко лаяли,
Ругались сторожа.
Цветы тихонько таяли,
Ломаясь без ножа.
Так юность повстречали мы...
Гулял десятый класс.
Так детство провожали мы
В тот самый летний час.
...Оно ушло сторонкою,
Оставив нас одних,
Мелькнуло песней звонкою
В ушах моих на миг.
Багряными зарницами
Запомнилось в глазах,
Встревоженными лицами
В смеющихся слезах.
А завтра – необычные нас
ждали рубежи:

Кого дома столичные
И вузовский режим.
Одних моря далекие
Манили, как звезда.
Других – поля широкие,
А третьих – поезда.
И классом, в пору раннюю
Мы шли рассвет встречать, –
Хотелось долгожданную,
Большую жизнь начать.
Пусть с бурями – ненастями,
Пусть даже не в раю,
Пусть изредка с несчастьями,
Но все-таки свою, –
Тревожную, влекущую,
Бурлящую дотла,
Манящую, зовущую
На новые дела.
И ждали мы с истомою:
(Да разве мы одни?) –
Начнутся незнакомые –
Студенческие дни.
И счастью руку жали мы
Жилистой пятерней...
И все-таки скучали мы
За вузовской скамьей.
Нам все казалось – медленно
Идет за годом год...
Таков уж, видно, ветреный
Студенческий народ.
Любили мы –
украдкою,
Прохожих сторонясь,
Корпели над тетрадками

Ночами в поздний час.
Хотелось очень многого
На институтских щах,
Хотя мы жили впроголодь
И пели натошак.

Мы не боялись холода,
Мы петь могли в ночи...
Мы были слишком молоды
И слишком горячи.
И торопились в дальний путь
Спешили жить года, –
А то, что нам их не вернуть
Не думали тогда.
Теряли медленно
друзей
Во имя новых встреч
И не старались жар страстей
На после убережь.
А после поняли, что жизнь
Не дастся без труда,
И что ее – зубами грызть
Придется иногда.
...Под окнами слоняется
Ночной пугливый мрак.
А мне не спится –
мается, –
Я вспомнил о друзьях. –
Подумаешь –
и скверно так,
И неприятно жить:
Ведь мне пришлось соперником
С самим собою быть.
Гнетущую мечту мою

Стараюсь отпугнуть...
И все не сплю,
И думаю,
И не могу уснуть,
Я вспомнил безобразников,
Что ночью рвут цветы,
И вновь к десятиклассникам
Летят мои мечты...

Дождливыми закатами
Уходит мокрый день.
Я вспомнил, как когда-то мы
Ходили рвать сирень...

Вы, наверное, много раз встречали
Смелую, лихую ребятню,
Тех, что с увлечением играли
В поле в настоящую войну.
Кулачком своим «тяжеловесным»
«Красный», плача, «белому» твердил:
– Вовка, падай, это ведь нечестно,
Ты же видел, я тебя «убил»...
Нет, они не видели, не знали
Пламени пожаров фронтовых
И по фильмам о войне слыхали,
По цветным картинкам детских книг.
Но в кино она бывает проще, –
Эта настоящая война...
Ну, а мы знакомы с ней воочию, –
Много суток без еды и сна.
Под обстрелом по степи дорогой,
В грязь и темень, часто наугад,
Шли вперед по фронтовым дорогам

И пути не помнили назад.
По погибшим не справляли тризны,
Просто – треугольником конверт...
Слишком мало дорожили жизнью,
Потому что презирали смерть.
Нас вели обугленные села
Маяками обгорелых труб,
И сжималось сердце вновь от боли...
Каждый стал черствей и даже груб.
Ну, а как же может быть иначе,
Враг задумал счастье растоптать...
Если сын, задрал ручонки, плачет,
Глядя на расстрелянную мать...
Ужас непонятный в детских лицах
Вел вперед и звал, и торопил,
И земля, – бессильной плащаницей
На холмах невысохших могил.
Верили, – вернемся, все отстроим,
Обретем тепло родных квартир,
Но не все вернулись с поля боя,
Расплатившись жизнями за мир...
В мае сорок пятого, под Прагой,
В танке под разрывами свинца
Я нашел вот эти вот бумаги
Рядом с трупом юного бойца.
Видно, не успел солдат отправить,
Той, которой краше не найти,
Письма о жестокой ратной славе
На суровом фронтовом пути...
Может, от того, что не решался
Первым рассказать ей о любви,
Может быть, привала дожидался,
Может быть, был вовсе не любим...
Схоронили парня у опушки

Под тенистой зеленью дубов.
Где-то хлопотливая кукушка
Скорбно отсчитала сто годов,
От стыда снялась и упорхнула,
Разбросав весенний первоцвет,
Что же ты солдата обманула
На десятки непрожитых лет?
Ну, а, может, каешься о прошлом,
О буграх затерянных могил?
Годы, что ровесник мой не прожил,
Щедро прибавляешь ты к моим...
В память безымянного поэта,
Письма не успевшего послать,
Я храню святые строки эти,
Чтоб живым о мертвых рассказать.

В раскисших от дождя Хибинах
Два дня осталось мне прожить,
Под мерный клёкот голубиный
Глядеть с балкона и... тужить,
Жевать вчерашние котлеты,
Безвкусные, как поролон,
И отоваривать в буфете
Вчера не съеденный талон,
Ждать, что придёт такой желанный
Ненаступающий закат,
Зевать под скучный на экране
Многосерийный «Синдикат»,
Зачем-то лезть на скалы группой,
Подставив шею комарам...
Всё так нелепо, странно, глупо...
А отчего – не знаю сам...
Мне нелегко было, поверьте,

Как тайну, адрес Ваш узнать,
Ещё сложнее – на конверте
Его рукою подписать.
Но я решился... Жребий брошен
И перейдён мой Рубикон...
(Могу представить, как Вам тошен
И до потешности смешон!)
Но верю – Вы благоразумны:
Письмо прочтёте до конца

И не сочтёте полоумным
Уж перезревшего юнца.

... Среди древних гор, в стране саами,
Где что ни камень – минерал,
Искал я камни под ногами,
Те, что поярче, выбирал.
Везу домой камней я горстку,
А вспоминаются опять
Мне не отвалы Мончегорска,
И даже не V_2O_5 ,
Не волны Кольского залива
И не Алёша на холме,
Не белых чаек стон тоскливый
За бурунами на корме,
И не сырые закоулки,
Там, на Туломе, под водой,
Не роскошь шлюпочной прогулки
По глади Имандры седой.
Не бледный цвет травы безросой,
И не Бульвар – саамский чёрт,
Не галька с мурманских откосов
И не рудник Кукисвумчорр,
Не голубых озёр глаза,

Не сопок выжженных вершины,
Не поднебесья бирюза,
Не куст засохшей вороники,
Не заполярный маков цвет,
Не дымный весь «Североникель»,
И не олень лапландский, – нет!
Я вдруг припомнил –

свитер белый

И по-девичьи стройный стан,
И цвет волос пшеницы спелой,
Немного грустные уста,
И взгляд очей, слегка печальный
(Мне показалось, – от тоски),
И боль невысказанной тайны,
И лёгкий взмах её руки,
И лишь сейчас, когда умчали
Её составы из Хибин, –
Невыразимо грустно стало
И понял я, что вновь о д и н...
Зачем я здесь?

Два дня – как пытка...

Шашлык совсем не лезет в рот...
Но как в романсе, – за калиткой
Вдруг замаячит свитер тот?
Хотя бы слово обещанья
Чуть благосклонней быть ко мне
И с лёгким трепетом дыханье
В благоговейной тишине...
А день влачится бесконечно –
Без сумерек и без теней,
И я, как узник, здесь навечно
Приговорён мечтать о ней,
Так как же это всё случилось,
В какой из светлых вечеров?

Та ,что как в песне, – только снилась,
Меня теперь лишила снов...
Я так хочу, чтоб ночь настала,
Чтоб беззаботно, как вчера,
Легла на правый бок устало
Вдали красавица – гора.
Но, выгнув горделиво спины,
Как будто тешась надо мной,
Меня зовут к себе трамплины:
«Пора, пожалуй, вниз,
Домой!
Не забирайся на отроги,
О н а – не Айкуайвенчорр,
И к н е й канатной нет дороги,
И ты не юн с недавних пор.
Зачем ты нужен ей, усталый?
И не её совсем вина,
Что ты старик уже, пожалуй,
И что мила тебе о н а,
И что в глазах е ё – лишь просинь,
В устах – лишь спелый цвет рябин,
А на висках твоих – уж осень
Из неприветливых Хибин.
А 45 – совсем задача,
Да посложней твоих задач, –
Уже не лёгкий флирт на даче,
А лишь одна из неудач»...
Пора домой...

И Север крайний
Меня торопит в путь уже,
А встреча с молодостью дальней
Пуškai останется в душе...
Вот и кончается
так просто

Моя путёвка в том краю, –
Нет, не на Кольский полуостров, –
Путёвка в молодость мою...
Я знал: на Севере – не душно,
Я даже свитер прихватил,
Но чем согреть пустую душу?
Где одолжить душевных сил?
Не тшу себя надеждой зыбкой,-
Писал от горестной тоски,
Я знаю – вызовут улыбку
Вот эти странные листки.
Вы не ругайте за корявость
Мои нескладные стихи,
Не обессудьте, что под старость
Принарядился в женихи.
Хочу, чтоб знали –

от кручины

Постылой кажется земля,

И что тоскуют и мужчины,
Пусть даже и учителя...
Я не представился (по-свински!):
Я – тот,

что в белом пиджаке...

Да, да, из Новоград-Волынска
С напёрстком странным на руке...
Увы! – не киевский Серёжа,
Галантный сутки напролёт,
И на Сергея лишь похожий
Той сединой, что нам идёт, –
Совсем нечаянный попутчик,
И даже вроде, –

из коллег...

Не хуже всех, но и не лучше

Ни дон жуанов, ни калек.
Но несмотря на стаж солидный, –
Я в обольщеньях – не мастак,
И будет попросту обидно,
Коль назовут меня – пошляк.
На свете я немало пожил,
А покидал –

не дай Вам бог!

И В а с считаю –

Не прохожей,

Коль так довериться Вам смог.
Вы отнесётесь с извиненьем
К моим стихам из брёвен – слов,
Но в том повинно, к сожаленью,
Лишь расписание поездов,
Тех, что умчали Вас беспечно,
Оберегая Ваш покой
От слов неожиданных, но сердечных,
Сиюминутных, но

И вечных,

Не зарифмованных тоской.

А, может, даже –

так и лучше,

Чем напрямик –

лицом к лицу, –

По крайней мере – не получишь
Щелчок

за дерзость наглецу.

И пусть Вам будет не до смеха,
Но я, ей-богу, был бы рад,
Чтоб повторилась «дискотека»
(Пусть за 4-50!)
Средь древних гор, в стране саами,

Где что ни камень – минерал,
 Искал я долго редкий камень
 И вот нашёл, но потерял.
 А он был здесь, – не в старых плитах,
 Лишь стоило взглянуть хоть раз,
 Как искорки астробилита
 Сверкнули во взгляде милых глаз.
 Зачем седой лопарский сланец
 Искать в отвалах по горам,
 Когда живой его румянец
 Струится по её щекам?
 Зачем копать в породе грубой
 В полузаброшенных местах,
 Коль беломраморные зубы
 Блещат в рубиновых устах?..
 И будет снится мне в дороге
 Под перестук ночных колёс
 Туристка из Кривого Рога,
 Из дальней юности,
 из грёз...
 Ну что ж, прощайте...
 Не браните...
 Я не хотел доставить боль...
 Коль соберётесь –
 Позвоните
 «Пять-сорок девять-семь и ноль»...
 И, наконец, –
 ещё заминка
 (Вновь извиненья лью рекой!), –
 За то, что пользуюсь
 машинкой
 Там, где положено рукой:
 Виною почерк мой неловкий..
 Но, верьте –

каждый свой куплет
Писал Вам –
не под копировку, –
Другой такой –
пожалуй,
нет...

Влад. Леонид.
Хибины – поезд «МУРМАНСК-КИЕВ»
4-6 авг. 1981 г.

Грузинская серенада или Признание в любви

Теплым ветром морским, виноградником спелым,
Кахетинским вином и журчанием рек
Ты меня привечала везде, Сакартвело, –
Эту щедрость твою не забыть мне вовек.

«Гамарджоба», – тебе говорил я несмело
И не знал, что без слов твою душу пойму,
Потому что знаком я с тобой, Сакартвело,
Не сейчас, не вчера, а два века тому.

Сколько бурь над твоей сединой пролетело,
Сколько гордых сынов ты векам отдала!
До земли поклонюсь тебе, мать Сакартвело,
И хочу, чтобы сыном своим назвала.

Ты мне песни свои незнакомые пела,
В знойный день напоила водою не раз,
И скажу, чуть смущаясь, сестра
Сакартвело, –

Твоим братом назваться хотел бы сейчас.
Поволокой очей ты мне душу задела,
Снится мне по ночам тополиный твой стан...
Очарован твоею красой, Сакартвело,

И мечтаю к твоим прикоснуться устам,
Животворной водою хочу причаститься,
Есть пахучий лаваш, пить хмельное вино...
Нам пора расставаться... Но сердца частицу
Я тебе, Сакартвело, оставлю одной...

И пускай голова от забот поседела,
И пускай мне привычной комфорт и уют,-
Ты назначь мне свидание, моя Сакартвело,
Через год на такой же туристский маршрут.

Лагодехи ГрССР
2-4 авг. 1983 г.

Мы полсвета обошли
До турбазы Гюнешли
Под собою ног не чуя, до воды мы добрали
Ах, ты, моя дорогая,
Ах, голубая...
Веселиться не устану, —
Жили мы, как короли...
Ах, спасибо, Сулейманов,
За турбазу Гюнешли.
Ах, ты, моя дорогая,
Ах, золотая...
У воды, у голубой
Нас кормили на убой,
Но шашлык мингечаурский здесь уж больно дорогой!
Ах, и дорогой он,
Ах, золотой он.

Только сумерки придут
И джигиты нас найдут,
Угостят нас под чинарой и тихонько пропоют:

Ах, ты, моя дорогая,
Ах, золотая...
За заботу и уют,
И за Ваш нелёгкий труд
Всем сотрудникам турбазы
Благодарен наш маршрут.
Ах, вы, наши дорогие,
Ах, золотые!
Мы хотим прогнать тоску
Перед выездом в Баку
И сейчас по-украински говорим: «МЕРСИ БОКУ,
САЛАМАТ КАН,
ЗДОРОВЕНЬКІ БУЛИ!»

*Чужому Сашке,
маленькому человеку и большому другу*

Все давно готово к бою...
Ждут лишь маршальской руки,
Притаившись за рекою,
Краснозвездные полки.
Вон с «Катюшей» быстроходной
Танки встали дружно в ряд.
Все они – в строю походном
И идут не на парад.

И бросается пехота,
И кипит жестокий бой,
И строчит из пулемета
Пулеметчик молодой.
Но фашист хитрит проклятый
И скрывается в овраг.

Значит, нужно брать гранаты, –
Ведь еще не сломлен враг.
Поднажми немножко, Саша,
Выручай своих ребят, –
И тогда, конечно, наши
В этой битве победят.
У кого это рубашка
С яркой кровью на спине?
Ну, конечно, это Сашка
С пулеметом на броне.
Ничего, что кровь струится, –
Он лишь ранен, – не убит,
И на будущей странице
Снова будет враг разбит.
А когда сробеют наши, –
Из окопа в полный рост
Встанет снова смелый Саша, –
(Он на этот раз матрос!),
Расстегнет бушлат с тельняшкой,
Крикнет гордое: «ВПЕРЕД!»
И, конечно, вслед за Сашкой
Полк в атаку весь пойдет.
Что за точки там в долине
Примостились на лугу?
Ах, простите, – это мины
Приготовлены врагу.
Он сейчас на них взорвется,
Запыляет, завизжит...
Кто-то в танке задохнется
И сдаваться побежит...

И кипят цветные страсти
На альбомном, на листке,
И решает все – фломастер
В твердой Сашкиной руке...

...Как все просто в этих белых
Разрисованных мирах:
Этот – трус, а этот – смелый,
Этот – наш, а этот – враг.
В жизни все сложнее, Саша,
(ты когда-нибудь поймешь!)
Где – свои, а где – не наши,
Не всегда тут разберешь!
Но пока с тобой под вьюгой
С пулеметом мы лежим,
Я шепну тебе, как другу:
– Не считай меня чужим!
Может, я в соседнем танке
Рычаги перевожу,
Может быть, на той тачанке
У Чапаева служу.
Иль в окопе в третьей роте
Вон на том клочке земле,
Или – в этом самолете,
Или – там, где корабли...
И в твоих боях «кровавых»
Будь уверен, – я с тобой, –
Подсоблю на переправе,
Помогу в беде любой...
И из вражеского плена
Мы в два счета убежим,
Только ты уж непременно,
Не считай меня чужим!
А когда ты будешь тяжело
Ранен пулею во рву,
На бинты свою рубашку
Я для Сашки разорву,
Довезу до лазарета,
Подхлестнув коня вожжой,
Только б знать, что есть на свете

Тот, кому ты не чужой.
И пускай шрапнели свищут, –
Я с тобой среди огня...
Ты потом поймешь, дружище,
Что ты значишь для меня:
Но пока метели вьюжат,
Снег виски не запуржил,
Подскажи, что сделать нужно,
Чтоб не быть тебе чужим?..
...Перевернута страница...
И закончилась война...
Спи... Пускай тебе приснится
Ярко-синяя луна.
Ярко-желтые закаты
Пусть витают над тобой...
В яркой зелени солдаты
С ярко-красною звездой...

Мне приятно, что подарком
Ты доволен был вполне...
Может, ты раскрасишь ярко
Мир, в котором трудно мне...

28.03.84

– Скажи, отец, который нынче час? –
Меня окликнул кто-то на вокзале.
Не помню, что ответил я в тот раз,
Но помню, что часы мои отстали:

Уж если незнакомец вдруг отцом
Тебя назвал среди суеты вокзальной, –
Так, значит, не бывать тебе юнцом,
И молодость ушла с гудком прощальным...

Неужто раньше, чем отцом мне стать,
Придет ОНА с косою в костлявой лапе?
И мне не стоит тот вокзал искать,
Чтоб услышать желанный окрик: «Папа!»?

Неужто всюду – прозы грешной тлен,
А диво – только выдумали детям?
И фей не будет больше на земле?
И без чудес в грядущих жить столетьях?
И жизнь – лишь душный ожидания зал
Для пересадки всех – из Леты в Лету?
И чувства – только суетный вокзал?
И дамы – те, что вон, – на парапете?
И нежность – лишь притворства чешуя,
А верности – не сыщешь, не старайся?
И лучшее, что вновь услышу я:
– Эй ты, папаша в шляпе, – не толкайся?!
Но, веря в сказку добрую до слез, –
Приму и ту, с косою в костлявой лапе,
Лишь только кто-нибудь, не в шутку, а всерьез,
Меня окликнет дивным словом «папа».

27.03.1984

Что же еще? (полушуточное)

Ребенку, вроде, врать неловко,
И лишь святая ложь не в счет:
– Уехал, мол, в командировку,
Или куда-нибудь еще...

Что движет мною?
Чувство? Воля?
Рассудок? Денежный расчет?
Душа, уставшая от боли?

Иль, может, что-нибудь еще?
Виной, – вы знаете и сами, –
Хоть вряд ли буду тем прощен! –
Лишь расстояние меж нами,
А, может, кое-что еще...
К чему сейчас реветь белугой? –
Был надоедливый лещом...
А мог бы стать для Сашки другом,
И, может, – кем-нибудь еще...
Глядеть бы мне, – не наглядеться
В его глаза, в румянец щек,
Отдать весь мир ему в наследство,
И больше, может быть, еще.
Пора уйти... Не в том причина,
И я, пожалуй, не смущен, –
Что он любил во мне машины
И вряд ли что-нибудь еще.
Его доверием обласкан,
Твоей холодностью крещен,
Уйду домой из вашей сказки
Или куда-нибудь еще.
Уйду, посыпав рану перцем,
Пушкой без шпаги, но с плащом...
У вас мое осталось сердце
И, вряд ли, что-нибудь еще.
...Воскреснув как-то в воскресенье,
Я начал новых дней отсчет.
И встал вопрос об отношении
И, вряд ли, кое-что еще.
И славословить не годится, –
И так сполна я уж отмщен, –
Что будто видел лишь тигрицу
И ничегошеньки еще!
Уехать?.. –
В Рио-де-Жанейро?

На Тынду? В Броники? В Пищев?
Авось подлечатся и нервы,
И, может, – что-нибудь еще.
Я был костляв...
За то ли кара,
Что не для шницеля возвращен?
И годен только для навара, –
А для чего ж тогда еще?
По мне, конечно, не заплачут...
А впрочем, вспомнив за борщом, –
Пошлют меня - к чертям собачьим, –
И дальше,
Может быть, еще...
Спасибо вам за мир безбрежный,
Что искушеньем подслащен...
Я вас любил
 любовью нежной,
И больше,
может быть,
еще...

30.03.84

Ну, что ж, – пора.
 Гудок тревожный
Зовёт в далёкое НИЧТО...
Не нужен мне рюкзак дорожный
И ни к чему совсем пальто.
И вот пока дурман безмолвья
Не заморочил головы
Хочу в своём последнем слове
Я попросить,
Чтоб жили вы,
Не пряча совести подмышку,
Не скаля зубы без причин, –

Во имя нынешних мальчишек,
Во имя завтрашних мужчин,
Не хвастая достатком сытым,
Весь мир за беды не кляня –
За всех – умерших, за убитых, –
Ну, и немножко – за меня.
... Я жизнь купил не за бесценок,
Мне клад никто не завещал...
Недоиграл я роль на сцене,
Недошутил, недомечтал,
Недорешал своих задачек,
Недоносил своих рубах,
Хотя знавал и миг удачи
И испытал и боль, и страх.
И я крещен был той войною,
Что отняла у нас отцов –
Не зря пороша сединою
Коснулась и моих висков.
И всё же жаль, что поезд подан,
И для меня звенит звонок...
Не подошли, пожалуй, годы,
Но подошел тот самый срок.
Его я жду, как исцеленья
От раскаленного свинца,
Что грудь теснит и гнёт колени,
И в кашель гонит без конца.
...Беду почувствовал давно я –
С десяток лет тому назад.
С тех пор – она всегда со мною, –
В жару, в мороз и в снегопад,
На свадьбе, в праздничном угаре,
В дыму походного костра.
И только ночью на диване
Я забывался до утра.

Он тлел во мне, огонь недуга, –
Противный, мерзкий уголёк...
О нём сказать врагу и другу
Я не хотел (или не мог?),
Чтобы не вызвать сострадания,
На людях слабым не прослыть...
И я взбодрял себя желаньем
Весёлым быть, чтоб не завывать...
...Мне не страшно уйти, не прощаясь,
Одиночество гордо храня,
Не гнетёт меня чёрная зависть
К тем, кто жить будет после меня.
И не верьте вы слухам и толкам,
Будто жизнь опротивела мне,
И ушёл я с охотой, чтоб долго
Пятки жарить на адском огне.
Снаряжая в иную обитель,-
Где положено быть небесам,
Ради бога, по мне не скулите –
Всё равно – не бывать чудесам...
Не шепчитесь в углах с укоризной,
Не ругайте, нещадно кляня,
А придя на прощальную тризну,
Не судачьте с друзьями в сенях.
И, ступая за скорбным порогом,
Где последний отечества дым, –
Не бросайте цветов на дорогу, –
Подарите их людям седым,
Тем, кто старше меня и мудрее,
Тем, что долго ещё проживут,
Приютят, и в дороге согреют,
И пропасть, как и мне, не дадут.
Я их помню победной весною
В орденах, обнимавших меня,

Помню послевоенной зимою,
Обогривших меня у огня.
Детство было голодным и горьким
И еда так пресна и бедна...
Вы делились последнею коркой,
Кулешом из гнилого пшена,
Серым супом из прелой макухи,
И борщом из листков крапивы...
Но я выжил в беду и разруху,
Потому что со мной были вы.
Сохранил я на вечную память
Босоногого детства печаль –
И дыру на потертой пижаме,
Что досталась с чужого плеча,
Галифе без ремня, на опорках,
Не по росту – бездонной длины,
Где в карманах – лишь запах махорки
Сохранился с недавней войны.
В чунях, сбитых из рыхлой резины
Под портянку из прелых газет.
В телогрейке, пропахшей бензином,
Я шагал по холодной росе,
В шапке – старой, облезлой, безухой,
Что под стать самому Щукарю,
Не замёрз я в пургу – завирюху,
И за это – вас благодарю...
Мне тесно будет в новой квартире
(Не впервой! – я привык к тесноте)
И гостей привечать в этом мире
Не придётся – ни этих, ни тех,
Что лежат от меня в полуметре
На такой же, как я, глубине,
И не слышат ни стона, ни ветра,
И совсем равнодушны ко мне.

Кто – от водки, а кто – и от рака,
От свекрови, что не было злей,
От ножа в разухабистой драке,
От желанных своих «Жигулей»,
Кто от ржавого с фронта осколка,
От гранаты на давней войне,
От пыжа на охоте с двустволкой,
От басмаческой пули в спине.
Кто – со славой, а кто – без почета,
Мы лежим под холмами могил,-
Те, кто рано сгорел на работе,
И кто лишь на работу ходил.
Тот – для всех был и другом, и братом,
Тот – шипел ядовитой змеёй,
Тот – в мехах или джинсах с заплатой,
Тот – по моде, а тот – без неё.
Может быть, сатанеет и свищет
Средь живых, завывая, метель...
Здесь, у нас, – в глубине, на кладбище
Не качнется от ветра постель...
...Зря болтают, что козь – небожитель,
Значит – всё, что хочу, – выбирай!..
Вы тут с наше хоть день полежите, –
И поймете, – почём э т о т рай.
И гнетёт нас одна лишь забота,
И терзает, и будит от снов:
Мы оставили столько работы
И для вас, и для ваших сынов.
Видит бог – мы сменили квартиру
И ушли не по воле своей...
И не надо считать дезертиром
Тех, кто жить торопился скорей...
Сокрушался когда-то Есенин,
Что не станет уже молодым

И охвачен не цветом весенним,
А сплошным увяданьем седым.
Не грозит мне угрюмая старость,
Но о том ли сегодня тужить,
Что до пенсии столько осталось,
Что теперь уже – не дослужить?
Уж не знаю – грустить иль гордиться
Тем, что старцем не стану уже,
Так как нужно уйти и забыться
На последнем своём рубеже.
Потому, отпуская в чертоги,
Где по вечной прописке живут,
Не стелите цветами дороги
В мой последний печальный приют.
Вместо стружек сосновых обычных
Постелите мне степь до небес,
Чтобы в келье моей непривычной
Где-то солнце спускалось за лес.
Чтобы пахло в пристанище вечном
Луговой покосной травой,
И вполнеба заря бесконечно
Полыхала чтоб над головой.
И у друга прошу извиненья:
Коль с тобой приключится беда, –
Ты прости, но помочь, к сожаленью,
Я уже не смогу никогда.
...На обеде за вечную память
После рюмки пускай запоют...
Я охотно бы чокнулся с вами,
Но я больше, пожалуй, не пью...

1984 г., февраль

Юрию, другу

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'М. Дидковский'.

Снова ко сроку
на службу идешь.
Шею закутав от утренней стужи,
В школу спешишь к озорной детворе...
Меряешь:
не обмелели ли лужи,
Те, что ты видел у нас во дворе.
Снова исправно читаешь газеты,
Снова сверяешь часы по гудку,
Снова плотаешь сухие котлеты,
Как и положено
холостяку.
Что-то теряешь,
Что-то находишь,
Времени нет, чтобы
вдоволь поспать;
Снова откуда-то
раньше уходишь,
Чтобы куда-нибудь
не опоздать.
В Дом офицеров стремишься пораньше,
Утром и днем –
в окруженьи ребят...
Словом, – все те же,
все так же,
все там же,
Все – для других,
ничего – для себя.
В спешке подчас забываешь про голод,
Всюду куда-нибудь нужно спешить...
Я ведь сравнительно
все-таки молод,
Значит, наверно, могу полюбить.
Я от природы – не очень капризный,

Вы лишь умеете только любить...

Бывает, часы

влачатся, как годы...

Бывает, годы

бегут, как часы...

Оглянешься, – видишь, –

Дёшево продал

Горенье души

И частицы красы.

Былое!

Не будь на такого в обиде:

В жизни не счесть

Непройденных дорог,

Ей-богу, он многого

В жизни

Не видел,

А, значит, и

Многого сделать

Не мог...

Меня ведь мороз

Одеваться заставил,

А голод

Не есть по три дня научил

И все-таки чувствую:

Что-то прогавил,

И главное что-то,

Кажись,

Упустил.

А что это главное?

Радость, быть может?..

...Весь день ты мечтаешь,

Как птица без крыл,

А вечером, после, как день уже прожит,
Почувствуешь вдруг,
Что неважно прожил.
Клыками лязгая,
Волком завоешь, –
Как отыскать
Ту
Заветную нить?

...Вечером
Сумку жизни откроешь...
Стыдно!
Но нечего мне положить...

В чем же здесь дело?..
Я не знаю...
Совесьть терзает,
Мучаюсь сам...
Может быть,
Крупное что-то теряю,
Может, себя
Отдаю мелочам?..
Да! Но не все ведь бывают вождями.
Вождь, – это гений,
мудр он и прост...
Годам на званье сдается экзамен,
Жизнь тебе ставит зачетный вопрос.
Кажется, я ведь горю, а не тлею...
Вот для других я боюсь, что копчу...
Может, хорошим быть не умею;
Быть же плохим не могу, не хочу!
... Все перепробывал я,
Слава богу...
Вот только выбрать какой из них путь?..
– Мы ведь учились (Всеми понемногу!..
Кое-что помним (Причём – как-нибудь!..)

Чтобы вкусить
стоцентного счастья
Зубьями в жизнь,
Как драглайн я б полез,
Только боюсь, –
Потеряю запчасти...
(Впрочем, для этого есть РТС!..)

 Может, напрасно
себя мы ругаем:
 Многое сделать хотелось тебе...
 Времени просто на все не хватает,
 Рук очень мало: всего только две...

Люди, естественно, рвутся к полетам...

Я б на Луну, например,
не летел:
Сколько на нашей Земле
есть работы,
Сколько еще несвершившихся дел!..

 Глянь, присмотришь,
 Это нас ожидают,
 Тайны природы:
 Их надо открыть...
 Это для нас ведь

Хлеба зацветают,
Ну-ка подумай,
Кому их косить?
Делать алмазы
 из шлака и кокса,
Лед весь расплавить, –
 вот это по мне!..

Ну,
 а ближайший свой
 месячный
 отпуск

Мы, так и быть,
 проведем на Луне!..

Может, немного крикливо
и громко,
Может, ты будешь смеяться, –
 ну что ж!..

Я попрошу:
 Эти нудные строки,
 Ты уничтожь их, как только прочтешь!..
 Если не будешь
 смеяться над слогом, –
 То напиши мне –
 пару листков...
 Ну, будь здоров (А по-старому, – с богом!)

Твой,
 если можно,
 друг

В. Дидков.

10.11.1961 г.,
г. Новоград-Волынский

Вместо поздравления

На свете много лет, – значительных и разных,
Одни приходят к нам неожиданно, как любовь,
Другие – будто шар, раздутый в пышный праздник,
А третьи к нам встают из памяти и снов...
Есть даты – датам рознь и противоположность,
Есть даты – близнецы с подгонкой под стандарт...
Одни – как рок для нас, как будто финиш грозный,
Другие – поворот, а третьи – только старт.

Но каждому судьба, свои расставив вехи,
Наметила свой путь, отличный от других,
Мы разные с тобой, хоть оба – человеки,
И разные у нас мазок, аккорд и стих.

И всё-таки, свои встречая дни рожденья,
Задуматься пора и загрустить уже:
Ушло ведь столько лет и суетных волнений,
И я уже сейчас на трудном вираже.

Нет, не о славе речь и не о достижениях,
Которые (увы!) по пальцам перечтёшь, –
Гнетёт меня тоска, обида, огорченье,
Испариной на лбу влезает в тело дрожь.

Я прожил много лет. Да, да, – не смейся! – много...
Я видел много бед – врагу б не пожелал!
Я к истине своей неровной шёл дорогой,

Но понял лишь теперь, что много растерял.
Была ведь и любовь, и ласка, и награда,
Признание, и успех, и вздохи всяких дам...
Хотелось всё узнать... Казалось, всё мне надо,
А вышло, что себя растратил по частям.

Окину взглядом я завистливо холодным
С эстрады этот вот собой довольный зал...
Не потому, что я уже пришёл в негодность,
А потому, что я не так уж нужен стал.

Чего, кажись, хотеть: паркет в квартире сытой,
Приёмник есть, и МАГ, в рассрочку «ЭЛЕКТРОН»,
И книжек стеллажи, и автоспуск «ЗЕНИТА»,
И холодильник свой, и даже телефон.

И батареей тепло согреет вас в ненастье,
И Бендера машинка вам стихи строчит...
Довольно!.. Не смешно!.. Да разве ж в этом счастье?
Не видишь? – Пустота во всех углах сидит.

Вот потому-то я печаль вгоняю в строчку,
И всю тоску свою слепил в стихи, как мог.

Сдаётся мне, что я и жизнь живу в рассрочку,
И день рожденья мне – точь-в-точь платёжный срок.
 Меня не обмануть весенним птичьим трелям,
 Я видел всё, что мог и больше – мне не дать...
 А ты... Ты не тоскуй... Ведь первое апреля
 Ты можешь сам себя сегодня разыграть.
Захочешь – принцем стань (в течение этих суток),
И Золушка пускай во сне спешит к часам...
Ей-богу, жизнь у нас и так бледна без шуток,
Поэтому хоть день побудь, кем хочешь сам...
 Мне – это всё трудней, – я ем без аппетита,
 Сентябрь – не апрель, какой тут к чёрту смех...
 Поэтому у нас различные орбиты
 И только лишь одна Галактика на всех...
И даты для меня – как снег последний в марте, –
Весенняя капель... А снег идёт, идёт...
Завидую я тем, кто не проспал на старте
И свежесть сохранил, придя на поворот...

Прости, что скучен я и вместо поздравленья
Прислал тебе вагон безрадостных стихов, –
Кому они нужны – вот эти откровенья?..
Будь счастлив и прости...
С приветом В. Дидков.

Я не забыл, что ты родился
Апрельским днём
В суровый год...
Но я расстроен –
Рассердился!..
Об этом ниже
Речь пойдёт.

... Ты написал в своей открытке,
Что ждёшь стихов
Под Новый год,
Хоть знаешь, что
За рифмой жидкой, –
Нет, не поэт, –
А стихоплёт.
Но я пишу
Свои стишата
В сто крат труднее,
Чем поэт:
И слов, и мыслей –
Маловато,
А образов –
Так вовсе нет.
И всё же дороги
Они мне,
Когда пишу их
Для тебя, –
И в летний зной,
И ночью зимней,
Тоскуя,
Помня
И любя...

Я сочиняю,
Как умею,
Но твёрдо верю,
Что прочтёшь:
Свою судьбу
Сравнишь
С моею
И ...улыбнёшься,
Иль взгрустнёшь.
И ждёшь, казалось,

Ты их тоже,
Хоть каплю верности
Храня,
И в дне твоём,
Что ладно прожит, –
Есть тоже чуточку
Меня.

Но я решил,
Подумаю смело,
И... перестал
Совсем писать
Лишь оттого,

Что надоело
Их «до востребованья»
Слать.
...Я долго думал:
Отчего ты
Мне точный адрес свой
Не дашь?
Неужто отбыл на работу
В дипломатический вояж?
А вдруг жена ревнива очень,
А тёща –
Жарит на костре?
Иль репутацией
«Подмочен»
И потому –
На «до востре...»?
Неужто в письмах
Я нескромен,
И ты их прячешь
От детей?
А, может, – нищ ты
И бездомен

В своей роскошной
Воркуте?
Иль не бываешь долго дома,
Как Пугачёва
И Филлип?
Иль по утрам
У гастронома
Соображаешь
На – троих?
Неужто ты хватил
Два «срока»
И можешь третий
«Отпахать»?
Или боишься –
Ненароком
Вдруг завалюсь к вам
Отдыхать?
Или тебя в психушке
Лечат,
Да всё не вылечат
Никак?
А, может быть, – ты
«Засекречен»,
Так как у Мюллера
В руках?

...Ты не сердись

За резкость слова,
И на ушах прости
«Лапшу»,
Но «до востребованья»
Снова
Я вряд ли
Больше

Напишу.
Считай, что это –
Ультиматум,
И коль надумаешь
Прочешь,
Не бойся –
Я пишу
Без «мата» –
Ведь цензор мой –
Моя же
Честь.
И знай, что я
Ещё не помер,
Коль встретил новую
Весну,
И, если вытяну
С в о й номер,
То ног ещё
Не протяну.
Я не надеюсь
На везенье,
Не верю
В радужные сны,
Но для меня
Твой день рожденья,
Как ожидание
Весны,
Как отступленье
Вечной боли,
Как возвращение
Тепла,
Как первый восход
На свежем поле,
Как избавление

От зла,
Как очищение
От скверны,
Как обновление
Судьбы,
Как заживление
Каверны,
И как призывный
Звук трубы,
И как привал
В большом походе,
Как обещание чудес,
И как явление народу
Христа с разверзнутых
Небес,
Как выход
Из опасной зоны,
И как живой воды
Глоток,
Как причащение
Озоном,
Как память
О тебе, браток...
Года, толпясь,
Уходят в Лету,
И день апрельский
Так погож.
И на экране
Нахапетов
До боли на тебя
Похож, –
Того, что помню
С первой встречи,
Что до сих пор

В душе ношу,
Кому сейчас,
В апрельский вечер
Стихи нескладные
Пишу...
Так будь же рад
Весне безбрежной,
И знай –
Что где-то там,
За ней
«Я вас люблю
Любовью прежней,
А, может быть, –
Ещё сильней...»

Срывая лист календаря,
Припомнил памятную дату,
Как в день далёкий ноября
Я повстречал тебя когда-то.
А, может, – не ноябрь то был?
А, может, – он и вовсе не был?
И я не просто – год забыл, –
Не отличи, где – быль, где – небыль...
Скорей всего – приснился мне
Тот друг, что был роднее брата...
Неужто, только лишь во сне
Мы были искренни когда-то?
И понимали всё без слов –
Лишь с полувзгляда, вполнамёка?
Как жаль, что свежесть этих снов
Ушла, растаяла до срока...
Но вновь к тем дням сквозь даль времён
Спешу, как из дремучей чащи...

Да, да, – то был, конечно, сон –
Далёкий, радужный, щемящий.
И нынче снова мне дано,
Дождавшись всё-таки повтора,
Увидеть старое кино,
В котором мы с тобой –

Актёры.

Как мы играли!...
Впрочем, – нет:
Мы ж и л и, – каждый
Кто как может...
Ты был постарше своих лет,
А я – значительно моложе...

Как всплеск волны в ночной реке
Нет, нет – и тронет душу песня,
Что в том далёком далеке
С тобой мы спели в дали вешней.
Не помню слов, забыт мотив,
Лишь душу греет кантилена,
Что расстоянья лет покрыв,
Вот-вот и вырвется из плена.

А, может, – не из песни ты,

А из старинного сонета,
Где ощущение красоты
Сквозь боль души струится светом?
Нет – то каденция была
(Быть может, – Генделя или Баха) –
Накал страстей добра и зла
И ...

тот предсмертный вздох на плахе...

Ты в две руки её играл

И даже, помнится, ногами.
Но тот орган во мне звучал,
Как воскрешающая память,

Иль как ночной звезды разбег,
Как импульс – по телеэкрану

Ты прочертил в моей судьбе
Незаживающую рану...
А, может, – ты из сказки той,
Что шепчут нам у изголовья,
И засыпаем мы с мечтой
Согреты светлою любовью...
А, может, – ты из той мечты,
Что грезим мы в молодые лета?
Откуда ты?
Откуда ж ты?...
Хотя сейчас важней не э т о...
И был ли день тот в ноябре,
Иль не был он –

Вопрос не важен,-

Он

на м о ё м

календаре

На целый век

тобой

раскрашен...

От суеты мирской, от скуки,
От угнетающей тоски
Не доходили просто руки
До поэтической строки,
До слов – возвышенных и строгих,
До рифм, лоснящихся на вид, –
Где жизнь рекою по порогам
Всегда лишь в прошлое бежит,

А мы, сидя и старея,
Хворая, – каждый в меру сил, –
Торопим новый день скорее,
Хоть этот – толком не прожил...
Немудрено: в толкучке стресса
Уходят дни за грудой дел,
И, вроде, – был в лесу, а леса
Совсем, кажись, не разглядел...
А коль к тому же – жизнь – не сахар
(Как в средней школе № 7), –
Не до возвышенных метафор,
Не до эпитетов совсем!
Вот потому-то не рифмую
Я прозу жизни блеском слов,
Вот потому и не пишу я
Ни стихо-писем, ни стихов...

И вдруг – письмо из Воргашора,
Где друг от Севера устал...
И, значит, я про поезд скорый
Не зря, как помнится, мечтал?

И, по всему видать, что ссылке
Уже твоей приходит срок...
И думой тайной, страстью пылкой
К тебе лечу сквозь даль дорог...

Он, поманив высокой ставкой, –
Тот Север стал тебе милей...
Неужто северной надбавкой
Или ключом от «Жигулей»?
А, может, камнем драгоценным
Тот край по-прежнему манит?
Или горами, что бессменно
Одеты в розовый гранит?
Иль мерзлотою этой вечной,
Что остудила жар сердец?

А, может, – ночью бесконечной,
Где можно выспаться вконец?
А, может, – северным сияньем
Среди полярной ночи злой?
Шамана тайным заклинаньем
И пляской с бубном удалой?
Сорокоградусным морозом,
Что на окне плетёт узор?
Иль заполярною берёзой
На сопках воркутинских гор?
Оленем северным рогатым?
Унтами под тюлений ворс?
А, может быть, – суперфосфатом,
Что отправляют в Мончегорск?
Квартирой тёплой, где услуги
И все удобства – под рукой? –
Но это всё ж, – медвежий угол,
Хоть называется рекой.
Он для здоровья, Север, – вреден.
И стоит ли тужить о нём:
Там всё равно ведь нет медведей, –
Ну, а людей – и здесь найдём...
Сознайся, – вдруг приворожила
Туземка буйством бабьих ласк,
И как Синильга – поманила
Тебя разрезом узких глаз?
А, может быть, – настил дощатый
Дороже улицы тебе,
Той, что выходит на Крещатик
И стала первою в судьбе?
Но, если всё же жизнь – как пытка,
И одиночество – в углах,
И сны, как в пушкинской кибитке, –
Мучительно терзает страх, –

Ты сменишь адрес воргашорский
И на вираж войдёшь в судьбе!
Пускай посёлок твой шахтёрский
Теперь тоскует по тебе!

Устал от тягостной тоски я
Длиной почти в 15 лет...

И верю я, что ты на Киев
Закажешь вскорости билет.
Уйди из заполярной были,
От суеты мирской встряхнись!

Не пой, как молоды мы были,
Подумай: как прекрасна жизнь!

Пойми, что чисто «по-мужински»,
Без всяких пошленьких страстей
Володя, новгород-волинский
С волнением ждет твоих вестей,
Нужна, наверно, тренировка,
Чтоб всем на письма отвечать.
Ты нам пиши под копировку,
Чтоб никого не обижать.
А мне пиши, если захочешь,
В неделю парочку листков.
Я буду ждать, мне нужно очень
Непрокопированных слов
Таких, чтоб сердце согревали,
Чтоб доходило до души.
Пиши немного, скупое, мало, –
Но все ж прошу тебя, –
пиши.

В новогоднюю ночь, поднимая бокал,
Вспоминая друзей и знакомых,
Ты не пей за здоровье моё ни глотка
На банкете, в гостях или дома.
В Заполярье темно... И не скоро рассвет.
А дорога не любит нетрезвых.
До меня далеко.
Ну, а ближе тот свет,
Если вздумаеть ехать ты резво.
Только ты позвони –
 дескать, жди через час, –
И я выйду встречать у «Зелёных».
И всю ночь до утра
Мы припомним за раз
И друзей, и родных, и знакомых.
И далёкая юность вернётся звеня,
И любовь, что успела забыться...
Только ты уж не пей
В Воркуте за меня,
Перед тем, как в машину садиться.

Душа поет

A handwritten signature in black ink, appearing to be the name 'Мая' (Maya) with a flourish at the end.

Возьму с собой в дорогу

Когда я уйду на разведку в космический рейс,
Ты ветку пахучей сирени в кабине повесь,-
Чтоб там, на далеких разъездах безмолвных дорог
Она мне напомнила запах рассвета
И с детства знакомый порог.

Привет:

Нелегко наш путь над планетой
И быт по-военному строг,
Но помню я запах земного рассвета
И с детства знакомый порог.

За час перед стартом пришел из поселка листок:
– Я знаю, – ты тоже готовишься к звездам, сынок...
Неужто ты маме сказать эту новость не мог?..
Дрожащей рукою написаны эти
Пятнадцать заплаканных строк...

Привет:

Нелегко наш путь над планетой
И быт по-военному строг,
В походном скафандре припрятал я эти
Пятнадцать заплаканных строк.

Мы знаем: на трассе немало преград, – ну, и пусть...
Я все же, товарищ, на землю родную вернусь.
Мне в лифт на посадке прохладный принес ветерок
Твой голос и песенки нашей куплеты,
Что пел ты, прощаясь, дружок.

Привет:

Нелегко наш путь над планетой
И быт по-военному строг...
В полете я тоже спою те куплеты,
Что пел ты на старте, дружок.

Осталась земля подо мною в глубокой дали,
По курсу московские звезды зажглись и легли,
И в космосе мгlistом я память Отчизны сберег,
Ведь я без нее, как без солнца, без света
И часа прожить бы не смог.

Припев:

Нелегко наш путь над планетой,
И быт по-военному строг..
Но я без нее, как без солнца, без света,
И часа прожить бы не смог.

Бал сорок первого года

Зазвучал старый вальс
В этом светлом и праздничном зале.
Вспомним тех, что до нас
Эту школу когда-то кончали.
Смотрят со старого снимка
Эти ребята в обнимку...
Им, как и нам, по семнадцать
Неполных годков.

Только есть среди них
Выпуск особого рода.
Не похож на других
Бал сорок первого года.
Тот же улыбок радостных свет,
Музыка так же играла...
Но повстречать после бала рассвет
Злая война помешала.

И тогда встали в строй,
И, одев не по росту шинели,
Шли мальчишки в бой
Через вьюгу свинцовой метели.
Сколько их вечным покоем
Спят под фанерной звездой,
Чтоб состоялся сегодня
Бал... Этот бал выпускной...

Этот день, этот час
Все мы с волнением ждали.
Что сказать Вам сейчас
В этом торжественном зале?
Так поклянёмся праведно жить
Всей своей будущей жизнью,
И беззаветно и верно служить
Нашей любимой Отчизне.

Пусть опять зазвучат
Ритмы вальса прощального бала,
У парней и девчат
Время выбрать дорогу настало.
Будем же помнить с тобою
Тех, не вернувшихся с боя,
Что подарили сегодня
Нам бал выпускной...

Расставание со школой
(Песня к выпускному вечеру 20.06.2004)

Мы в наш просторный светлый класс
Пришли сейчас в последний раз

И уходить уже не хочется домой.
И наш залиvistый звонок не позовет
уж на урок...
Пора прощаться нам со школою
родной.

Припев:
Слова прощания, слова признания
В любви и верности за то,
Что нас взрастила...
Пускай твой свет горит всегда,
Как путеводная звезда,
Такой родной, такой единственный
и милый.

Я знаю, мы сюда придём –
Своих детишек приведем:
Пускай и их научат так же, как и нас
Как добрым быть, как в мире жить
И школьной дружбой дорожить...
И повторится всё опять,
как в первый раз.

Припев:
Нет, не прощание, а расставание
И благодарность ей за то, что нас
взрастила...
Пускай твой свет горит всегда,
Как путеводная звезда,
Такой простой, такой единственный
и милый.

Дом, что стал для нас родным

Вот и детство вдаль от нас
Улетело, словно птица,
До свиданья, дружный класс,
Нелегко расстаться с ним,
Но придётся нам сейчас
С нашей школою проститься...
Дом, что стал для нас родным,
Вечно в сердце сохраним,
Вечно в сердце сохраним.

Знаем, путь твой иногда
Был нелёгким и суровым –
В грозные те года
Службу трудную нести.
Мы верны тебе всегда
И даём сегодня слово
Не свернуть с того пути
И достойно жизнь пройти,
И достойно жизнь пройти.

Наступил прощанья час –
Самый горький, не иначе...
Оставайся же для нас
Вечно юною всегда.
Пожелай и в этот раз
Ты в драгу нам удачи...
Эти школьные года
Не забудем никогда,
Не забудем никогда.

Рідне місто

Сл. і муз. В. Л. Дідковського

Наче ластівка у стрісі
З хати мавки в темнім лісі
Манить місто на Поліссі
І чарує нас.
З берегів случанських плесів,
Де пісні співала Леся,
Світить зірка в піднебесі –
Мій дороговказ.

Тут із батьківської хати
Я пішов у світ злітати...
Приголуб мене, як мати, –
На усіх одна,
Місто радості і болю, –
Ти моя спокута й воля,
Бо у нас з тобою доля
Світла і сумна.

І узимку, і весною
Ти в душі моїй зі мною,
Мов співучою сестрою
Стало для братів

Місто юності й змужніння,
Мого першого кохання...
Я хотів би в мить останню
Чути рідний спів.

Тут мій всесвіт і столиця,
Тут фортеця, де в криниці
Животворная водиця
З вікових струмків.
Тож позич ще трохи сили,
Щоб побачить світ цей милий

Й зберегти святі могили
Друзів і батьків.

У вінку вогнів барвистих
Я іду вечірнім містом, –
Весь в цвіту, як у намисті,
Цей чарівний сад...
Знаю, є міста гарніші,
Галасливі, чепурніші,
Та для мене все ж ріднішим
Став мій Новоград.

Липень 2005

Джерело

Ось по цій доріжці мене – малюка
Повела за руку мати.
Стежечка стрімка до мого струмка,
Що веде із батьківської хати. (2 р.)

Приспів:

Б'є джерело, б'є джерело,
Живить поля і ріки.
Не замутять це джерело
І збережуть навіки.
Чиста вода б'є з джерела,
Зцілює, мов причастя.
Я припаду до джерела
В радості і в нещасті.

Посивіли скроні в того малюка...
Але все шумить джерельце.
Як нап'юся води, – з одного ковтка
Начебто полегшає на серці. (2 р.)

Приспів.

Хай шумлять джерела із глибин віків,
Щоб міцніш росло коріння.
Хай вода цілюща з гомінких струмків
Напува прийдешні покоління. (2 р.)

Приспів.

Тая вода – сили дала,
Щоби здійснились мрії.
Хай же вода із джерела
Душу і вам зігріє...
Б'є джерело... Б'є джерело...

ГІМН

Новоград-Волинського футбольного клубу

«АВАНГАРД»

На стадіоні знову свято
І скоро буде новий старт,
Трибуни раді привітати
Свою футбольну дружину
«Аванград».

Приспів:

Вперед, командо світлих мрій,
Нас перемогою зігрій.
Завжди у чесному двобої
Всі вболівальники з тобою.
І кожен дюйм, і кожен ярд
Не здасть без бою «Аванград»,
Не здасть без бою «Аванград».

За нами гордих мурів сила,
Звитяга й мужність, вдача й гарт,
І слава «Звягеля», і крила,
Що вже сьогодні розправляє «Аванград».

Басни

A handwritten signature in black ink, appearing to be the author's name 'Владимир Дидковский' written in a cursive style.

*Если хотите, – примите на память
Фото с моими хромыми стихами
Если на снимке
Что-то неясно,
Вот вам в придачу
Новая*

БАСНЯ

Раз обезьяна
По Москве гуляла...
В кино ходила,
Вывески читала,
И с каждым днём всё больше замечала,
Что красота
У ней не та...
Не та, что у других,
Кто ходит по бульвару
Вдвоём под ручки
В трогательной паре...
 Ведь на неё (И в том была причина!..)
 Не взглянет
Даже плохонький мужчина.
И в самом деле, – приглядитесь сами:
Мешки
Висят под рыжими глазами.
А губы?..
Ну тебе – сардельки прямо,
И каждая – не меньше килограмма.
А об одежде лучше промолчать:
Точь-в-точь, как Чита, –
Ну ни дать, ни взять!..
Наряд ужасен, –
 юрская культура,

А попросту сказать, –
макулатура.

Вздохнула только обезьяна

И...

Стала тут же строить планы.
– Вот если б быть немножечко похожей
Одеждой и лицом (Простите, – рожей!..)
На ту красотку, что стоит в витрине
В большом универсальном магазине.
Какие размалёванные губы!..
Какие подведённые глаза!..
Да на такую заглядеться любо,
А, может, и влюбиться...
(Как сказать!..)

И вот тогда решила обезьяна:

Из кожи, – вон,

Но я такую

Стану!..

Я завтра же себя преобразу,
Я покажу
Своим лесным сестрицам,
Как нужно по-столичному рядиться!..
Я отхвачу такой себе наряд,
Что от стыда
завистники сгорят!..
Я закажу портрет в багетной раме
И в лес пошлю им!..
В фототелеграмме!..

И вот с утра

Взялась она за дело...

Полсуток в парикмахерской сидела
(Ей захотелось сделать перманент, –

Нельзя же упустить такой момент!..)

Полдня стояла в ГУМе у фонтана

За блузкой

Из гексаэтилхлорана,
Купила трикотажный гарнитур
И сделала вишневый педикюр.
Была в отделе мод для холостых
И в институте
Женской красоты.
Ей вывели из головы мокрицы,
Убрали все морщины на лице,
Приклеили «мармэн»ные ресницы
И накормили
Витамином «С».

И, наконец, достала обезьяна
Шикарный шарфик
В стиле Мопассана,
Купила ультрамодное колье
И зашагала
В фотоателье...

В лесу посылку ту распаковали,
Взглянули на работу
И сказали:

– Ну, что ж!..
Портрет хороший,
Без изъяна...
Но всё же
На портрете
Обезьяна...

О главном

мы и не сказали:

– Какая басня

без морали?..
«УЖ ЕСЛИ СНЯТЬСЯ
ЗАХОТЕЛОСЬ СИЛЬНО,
СНИМАЙТЕСЬ ТОЛЬКО
В АТЕЛЬЕ
«МОСФИЛЬМА»!...»

БАСНЯ ПРО БЕЛКУ

На хвосте своём сорока
Принесла тревоги весть:
«Опозорена жестоко
Наша совесть, наша честь!»
Будто просто для потехи
Иль совсем наоборот
Белка щёлкает орехи
И скорлупками плюёт.

Те орехи не простые,
Хоть совсем не золотые –
До чего они вкусны –
Прямо с кедровой сосны!
Но скорлупки от орешков –
На окне и под окном,
И как будто бы в насмешку –
Ими полон целый дом!..

Слух вползал в любые двери:
Хочешь верь, а хочешь – нет!
И тогда решили звери
Всем собраться на совет.
Чьи же это всё проделки? –
Слово взял лесной орёл. –
Я не верю, чтобы белка
Наплевать могла на пол.
Слово ворон взял столетний:
Белка любит чистоту!
Так зачем разносят сплетни
И про белку клевету?
С нею с детства мы знакомы, –
Слово молвила лиса. –
И опрятней белки дома
Не сыскать в других лесах.
И уже совсем без смеха
Встала мудрая змея:
– Видно, щёлкала орехи
Нет, – не белка, а свинья!

Посвящения

Мая:

Я пришёл сказать вам слово
Про Семёна Иванова,
И про то, что может он –
Фантастический Семён.
Где родился он, сердечный?
Где нашла его родня? –
Не в капусте же, конечно,
Как тебя или меня!
Кто-то с родинкой родился,
С сердцем в правой стороне...
Ну, а он на свет явился –
Впрямь с гармошкой на ремне.
Может, нашего Семёна
В птичьём гнёздышке нашли
И в футляре от тромбона
Кольхали, как могли.
И запала парню в душу
С детства жаворонка трель...
А теперь – поди, послушай, –
Украинский менестрель!
За талант свой бесконечный
Благодарен он судьбе
И играет он, конечно,
На кларнете и трубе,
На баяне и свирели,
На сопилке и козе,
На любой виолончели,
На берёзе и лозе,
На цимбалах, на бандуре,
(Может даже – соловьём!),
И на этой странной дуре,
Что зовётся бугаём.
И хотя совсем не плотник, –

На пиле сыграет он...
Ведь заслуженный работник
Уважаемый Семён.
И хочу сказать без лести:
Не родись Семён на свет –
Может, не было б «Полесья»
В Новограде сотни лет.
И горит огнями гордо
На груди Семёна орден,
И он много раз подряд
Всякий там лауреат...
Ну, а грамот и дипломов
Он собрал почти полдома:
От Давида, знать, рождён
Многоплановый Семён.
На ответственных ролях
Он в театре Сурая
И сыграл спектаклей массу
На гарантию и кассу:
Драмы, сказки, водевили,
Исторические были, –
От донского казака
До Шельменко-денщика...
А любители смешного
Обожают Иванова
За звучащий много лет
Сатирический куплет...
За границей дамы ахали
И кричал в восторге зал...
Ездил он в Чехословакию,
И в Болгарии бывал.
И сказал своим друзьям он
Не в обиду, не во грех:
Хороша страна Болгария,
А Россия лучше всех.

И за то в Михайловграде был козою награждён
И играет в Новограде он на ней восьмой сезон.

...Кто стучится в дверь ко мне
С толстой папкой на ремне?
Нет, совсем не почтальон, –
Это к нам пришёл Семён.
А с какой, скажите, вестью?
А зачем пришёл – вопрос?
Для народного оркестра
Ноты новые принёс.
Пусть ему во сне приснится
Оркестровых нот страница!
Мы желаем вещей снов
Вам, товарищ Иванов!
Только просьба – если спите,
То потише чуть храпите.

Маргарите Ильиничне

К юбилею

Уходит век, даря нам старость,
Отняв у нас цветные сны,
Но вдруг приснился алый парус
Среди морской голубизны.
Наперекор верстам и срокам
Ударил ветер в паруса,
И я из юности далёкой
Опять услышал голоса...

Коль одолела Вас усталость,
Хочу, чтоб Вам среди весны
Приснился тоже алый парус

Из той манящей нас страны.
Пусть он взволнует Вас, как прежде,
Вернёт Вам синеву небес,
Как воплощение надежды,
Как ожидание чудес.
Он, – этот парус одинокий,
Поманит Вас из дали той,
Как отзвук юности далёкой
С её несбывшейся мечтой.

Галине Сергеевне

К юбилею

Пусть хоровод ведут та торте свечи
И стороной обходит дом беда,
Пусть ноша лет не давит Вам на плечи
И муза будет преданной всегда.
И не грустите, что свечей так много
И что не все исполнились мечты,
Ведь юбилей – он не конец дороги,
А лишь привал у новой высоты.
Любовь друзей пусть Вашу душу греет
И, как родник, поит живой водой...
И не беда, что все вокруг стареют,-
Вы оставайтесь вечно молодой.

Поэма

Поэма

Счастье...

Какое оно?.. По вкусу,

По цвету, по запаху и на слух?..

Жесткое или мягкое?..

Глыба без формы,

А, может, изваяние?..

Скользкое или

Дерущее руки?..

Солнце в глаза или буря с ненастьем?..

Счастье...

Быть молодым и безусым?..

И обойтись без старцев и старух?..

Нет больных и никто не ахает?..

Жизнь санаторная,

Двойное питание?..

Княжество сильных?..

Отсутствие рухляди?..

Это, что ли, называется счастьем?..

Я на мрамор и бронзу не мечу,

Памятники – мертвым,

а я – живой!..

Хоть и похвастаться в жизни нечем,

Хоть и, пожалуй, похвастаться нечем,

Хоть и почти похвастаться нечем,

Но на вопрос о счастье отвечу,

А ты поспорь

И скажи мне:

Прав я?..

А ты попробуй

Сказать:

– Неправда!..

И все это придумано горячечной головой...

Я – Человека Будущего предок, –

Хозяина мира –

вглубь и ввысь...
Это не мое поэтическое кредо, –
Это –
заявка на большую жизнь...

Товарищ!..
Готовь путеводные снасти,
Душ человеческих крепи паруса!..
Ветру попутному – двери настежь!..
Эй, обыватель, в сторону, не засти!..
Мы отправляемся
В путь
За счастьем!..
Строй свои звонкие,
Медь,
Голоса!..

Вот – магазин...
Что душе угодно.
Сотней уютов шумит голова

Все, что удобно, надежно и модно:
Мебель
 и теплых тонов, и холодных,
Ружья
 для рыбной охоты подводной,
Редкий несессер,
 блестящий, походный,
Чайник,
 на вес унитазу подобный,
Чудо – шкатулка
 в стиле народном
И псевдонародные кружева...

– А счастье?..
У вас не бывает счастья?..

- Вы, товарищ, не понимаете...
Вы, видать, не из нашей системы?..
– Нет, я рождён при советской власти.
Клянусь вам, я – абсолютно земной...
– Тогда вы просто, извините, не знаете
Мудрой, святой общепризнанной леммы:
«Счастье – это домашний уют и покой»...

– Все это – счастье?..
– Да.
– Не пародия?..
– Нет.
– И за деньги можно купить?..
– Эти шкафы у нас раз в полугодие...
Вот только кресло могу предложить.
Мягкое, спинка из пены двухслойной...
Очень удобно сидеть и читать...
– Я, извините, не геморройный, –
Мне нужно счастье у вас отыскать.
– Возьмите сервиз ленинградской работы...
– Счастье мне нужно!..
– Берите другой...
Коврик мохнатый сейчас в почете...
– Я не хочу ширпотребских экзотик!..
– Что вы хотите тогда, дорогой?..

– Счастья...
Чтоб сразу одно –
Без крошек...
Счастья, а не
Разрисованных брошек!..
У меня отсутствуют мелкособственнические страсти, –
Счастья хочу, понимаете?..
Что же вы мне предлагаете?..
Разрисованные блюдечки

Секционного комфорта?..

К черту!..

Нет, вы не знаете, что такое счастье...

...Мы были с концертами на военных учениях.

Без удобств, в поле, а не в детских яслях.

Два кузова ЗиЛовских сделаны сценою...

Солдат нам цветы преподнес и поздравил нас:

– Концерт Ваш, ей-богу, нам очень понравился!..

И хоть я искусством особым не славился, –

Я был бесконечно счастлив...

...Мой друг жил с удобствами:

меблированная квартира,

Туалет работает в погоду и в ненастье,

Зимой не бывает холодно и сыро...

Пришел почтальон и принес телеграмму:

«СРОЧНО ВЫЕЗЖАЙ, УМЕРЛА МАМА»

И он, окруженный полированными шкафами,

Был глубоко несчастен...

Ровесник,

прислушайся ухом пытливым, –

Я расскажу тебе,

хоть и не мастер...

Потому что

я был счастливым,

Потому что

я знаю счастье...

Декабрьские вьюжные ветры

Слегка утихают в ночи

Зима, обогнав километры,
Крупую по крышам стучит...

Сломав годовые запоры,
И старческий сон поборов,
Мороз лабиринты узоров
Раскинул на окнах домов.

На каменный панцирь похожий
Сомкнулся над реками лед...

Зима, так зима...

Ну, и что же?..

А в армии служба
идет...

Морозным убором одеты,
Построившись как на парад,
Не спят боевые ракеты
И в небо ночное глядят.

Пурга за сугробами стонет,
Мороз и неистов, и лют, –
А там, на степном полигоне
Учебные стрельбы идут...

Приклады прижав боевые,
Презрев неизвестность и страх,
Застыли в ночи часовые
На всех гарнизонных постах...

И зимняя стужа, поверьте, –
Она – по уставу и в срок...

И строй

на вечерней поверке

Все также подтянут и строг...

Но сердце трепещет, не скрою,
И взгляд у солдата суров

Когда выкликают Героя:
– Сержант Алексей Соколов!..

И ждет старшина, как обычно,
Всмотревшись в торжественный ряд,
Что кто-то ответит привычно
Простое и звонкое:
– я!..

Молчанье...
Секунда,
Другая
Тревожной ночной тишины...
Чужой
Отвечает:
– Погиб за свободу страны!..

Занает давнишняя память
От этих торжественных слов...
Но кто он такой,
этот самый
Сержант Алексей Соколов?..

Я слышал, как с лаской сердечной
В полку о Герое поют...
Он в списки зачислен навечно
В гвардейском солдатском строю...

На кухне расход составляют,
В наряд назначают его,
Все праздники вместе встречают,
Хоть,
Нету
В живых
Самого...

Портрет на казарменной стенке.
Заправлена кем -то кровать...
Мне выпало счастье –
в шеренге
На месте Героя стоять...

...Мы были с Алешкой друзьями,
Топтали траву босиком,
Сквозь мерзлую выюгу и заметь
В кино пробирались тайком.

Сидели за старую партой,
Играли вдвоем в чехарду,
С мальчишечьим рьяным азартом
Мы яблоки рвали в саду.

И мазались черною сажей, –
Девчонок соседских пугать...
Да нет, обо всем не расскажешь!
С чего бы вначале начать?..

Наверное, с памятной песни, –
(Мне звуки те ясно слышны),
Что сложена в нашем Полесье
За год до начала войны...

Рощи, перелески,
Золото жнивья...
Край ты мой полесский, –
Родина моя.

И на расстояньи,
И в других краях
Слышу я журчанье
Твоего ручья.

Вижу травы в росах, –
Бусы – огоньки,
И тумана проседь
У твоей реки.

Вижу я, как верба
Расплела косу, –
Бережет, наверно,
Девичью красу.

Мерный скрип парома,
Песни перед сном,
Белый цвет черемух
Под резным окном.

Вся в красе и блеске
Мирная земля...
Ой, ты, край полесский,
Родина моя...

Недолго пришлось этой песне
Гулять над Полесьем моим...
В то утро взвились в поднебесье
Не птицы, а копоть и дым...
Ты помнишь за домом горела
Пахучего сена копна...
Ты помнишь, когда прогремело
Зловещее слово ВОЙНА...

Тогда мы лишь только умели
Читать, да и то по слогам.
Нехитрую тайну успели
Постичь по своим букварям.

Но лужи запекшейся крови
И виселиц гнущихся ряд

Учили, что жизнь – то суровой,
Сложнее, страшней во сто крат...

...Мы рано с тобою мужали,
Хоть юными были лицом...
Ты помнишь, как мы провожали
На фронт уходящих отцов,
Как жадно мы их целовали,
Тревогу в сердцах затая,
Как, выплакав слезы, молчали
Две мамы, – твоя и моя...

Покинув сожженные хаты,
От горя хотели уйти, –
Бежали. Зачем-то. Куда-то,
Чтоб встретить затишье в пути.

Дороги...
Дороги, дороги...
В болотной грязи и в пыли.
Усталые детские ноги
По ним в неизвестность брели.

Потом гроыхали составы,
Спеша убежать на восток...
Бомбежка... Паром... Переправа...
И больше я вспомнить не мог...

Постойте... Когда это было?..
Разрывы. И сотни ракет...
Судьба нас с тобой разлучила
На целых одиннадцать лет...

Как я жил?..
Остался сиротою...

И отца, и мать, и все мечты,
Все мое – мальчишечье, святое
Смрадный дым пожарищ поглотил.

Доски вместо стекол в окнах комнат,
Запах пшенной каши и детдом, –
Вот и все, что удалось запомнить,
Да и то с громаднейшим трудом...

Семилетка над днепровской кручей,
После, – год на курсах шоферов,
Автопарк и первая получка,
Поздравленья старых мастеров...

А когда минуло девятнадцать
Стал солдатом. Срочным. Рядовым.
Здесь и довелось мне повстречаться
С другом – однокашником моим.

...Помню, – я увидел почтальона,
Тоже киевлянин, как и я...
– Как дела?..
Да что слышать из дома?
И не пишут, часом ли, друзья?..
Парень почту разобрал привычно, –
Рота к роте. Завязал пакет...
– С Украины, помню я отлично,
Вроде никаких посланий нет.
Пишут вот волжанам и грузинам, –
Не жалеют, видно, теплых слов...
Нет, постой... Вот это с Украины...
Есть такой ефрейтор Соколов...

Соколов... Алешка мой? Ефрейтор?..
Вот где в жизни свидеться пришлось...

Через годы страха, жизни, смерти,
Через боль и муки, грусть и злость...

Что ж?.. Солдат, –
Такой как все солдаты...
Молод сам, фигурой не спесив,
Выправкой силен молодцеватой, –
Разве что собою некрасив.
Длинный подбородок над кадыком,
Уши словно паруса стоят,
Только кое-где в глазах навывкат
Озорные огоньки горят...

Но все тот же...
Тот же мой Алешка,
С кем в футбол гоняли по полям,
С кем хлебали деревянной ложкой
Борщ с крапивой горькой пополам,
А теперь, – в плечах косая сажень, –
Полюбуйся, если он пройдет.
Служит сам в отличном экипаже...
Да, и песни, песни как поет!

И, конечно, помнит нашу песню, –
«Про поля, гаї і про лани»,
Что звучала в стороне полесской, –
Песню из далекой давнины...
Вижу травы в росах,
Бусы-огоньки,
И тумана проседь
У твоей реки...
...А потом...
Потом была тревога...
Эшелоны. Венгрия. Цеглед.
Мы спешили братьям на подмогу
Защитить страну от новых бед.

Помнишь в Будапеште баррикады,
Тронутые саваном зимы..
Пулями изъедены фасады,
Город словно вымер от чумы...
Памятник из мрамора, огромный,
Изувечен, разорен дотла...
И на всем пути из щелей темных
Смотрит смерть из каждого угла...

Так уж вышло, что в краю дунайском,
В стороне нетронутой красы
По указке псов заокеанских
Завелись свои цепные псы...

Здесь – в полях, над посрамленной Тиссой,
Испытавшей тысячи тревог,
Оборвал воровский вражий выстрел
Жизнь Алешки – друга моего!

Схоронили парня у опушки
Под тенистой зеленью дубов.
Где-то хлопотливая кукушка
Отсчитала скорбно сто годов.

От стыда снялась и упорхнула,
Разбросав весенний первоцвет.
Что же ты солдата обманула
На десяток непрожитых лет?
Ну, а, может, каешься о прошлом,
О буграх затерянных могил?
Годы, что ровесник мой не прожил,
Щедро прибавляешь ты к моим...

Нет, имя его не померкнет,
Немалый прошел уже срок,

Но строй на вечерней поверке
Все так же подтянут и строг.

Но сердце трепещет, не скрою
И взгляд у солдата суров,
Когда выкликают Героя:
– Сержант Алексей Соколов!

Я слышал, как с лаской сердечной
В полку о Герое поют.
Он в списки зачислен навечно
В гвардейском солдатском строю.

Портрет на казарменной стенке,
Заправлена кем-то кровать...
Мне выпало СЧАСТЬЕ – в шеренге
На месте Героя стоять.

Содержание:

Талантливый человек талантлив во всем	4
О жизни. О себе	
«...У меня никогда не бывает тоски...»	8
«Я знал, что в жизни эталонов нету...»	12
«...Дождливыми закатами...»	14
«Вы, наверное, много раз встречали...»	17
«В раскисших от дождя Хибинах...»	19
«Грузинская серенада или Признание в любви».	26
«Мы полсвета обошли...»	27
«Чужому Сашке, маленькому человеку и большому другу».	28
«— Скажи, отец, который нынче час?...»	31
«Что же еще? (Полушуточное)».	32
«Ну, что ж, — пора...»	34
Юрию, другу	
«Юрочка, здравствуй!...»	41
«Вместо поздравления».	48
«Я не забыл, что ты родился...»	50
«Срывая лист календаря...»	56
«От суеты мирской, от скуки...»	58
«Пойми, что чисто «по-мужински»	61
«В новогоднюю ночь, поднимая бокал...»	62
Душа поет	
«Возьму с собой в дорогу».	64
«Бал сорок первого года».	65
«Расставание со школой».	66
«Дом, что стал для нас родным».	68
«Рідне місто».	69
«Джерело».	70
«Гімн Новоград-Волинського футбольного клубу «Авангард».	71
Басни	
«Басня».	73
«Басня про белку».	76
Посвящения	
«Я пришел сказать вам слово...»	78
«Маргарите Ильиничне».	80
«Галине Сергеевне».	81
Поэма	83

Всю жизнь он умел и любил работать,
принося людям радость.

Жил, писал, творил.
Учитель, поэт, музыкант, актер и просто человек.